

Слово Донбасса

Олег
Холщевников

СЛОВА НА ГИЛЬЗЕ

Олег Георгиевич Холщевников

Слова на гильзе

Серия «Слово Донбасса»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74254761
Слова на гильзе / Олег Холщевников: Вече; Москва; 2026
ISBN 978-5-4484-6094-4*

Аннотация

За время пребывания в зоне активных боевых действий у автора этой книги – военного психолога, доктора психологии, ветерана СВО и нашего современника – скопилось столь много неординарных историй от участников Специальной военной операции, что они просто не уместились под одной обложкой.

В новой книге Олег Холщевников продолжает серьезный и глубокий разговор о человеческих судьбах на войне. Читателя ждут новые, правдивые и непростые рассказы тех, кто в трудный для Родины час оставил мирную жизнь и взял в руки оружие, кто с риском для жизни оказывал помощь и поддержку бойцам «за ленточкой» и в тыловых частях. Эти люди – настоящие герои, они – гордость нашей армии и гордость нашей родины – России!

Содержание

От автора	5
Первый Бой	7
Прорыв к своим	22
Гроза в апреле	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олег Холщевников

Слова на гильзе

Слово Донбасса

Серия «Слово Донбасса»

© Холщевников О.Г., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

От автора

Книга «Слова на гильзе» – вторая в задуманной мной серии «Осколки фронтовой памяти». Она также посвящена голосам нашего времени. Продолжая начатый путь, я снова обращаюсь к судьбам тех, кого свела вместе и разметала по разным рубежам специальная военная операция.

Это взгляд вглубь тех миров, которые я лишь наметил раньше.

В книге я рассказываю истории медиков, вытаскивающих жизнь с того света под обстрелом; добровольцев, чей фронт – цеха и склады в тылу; артистов, чьи песни и картины рождаются из пепла; журналистов, пытающихся облечь невыразимое в слова.

Наши разговоры по-прежнему велись под аккомпанемент войны – в блиндажах, на КП, в санитарных палатках. Но в этой книге больше тишины. Той внутренней тишины, в которой рождаются самые важные вопросы и самые трудные ответы. Я стал свидетелем не только отваги, но и сомнений, не только стойкости, но и хрупкости человеческой психики, которая, ломаясь, находит новые, немислимые формы цельности.

Через психологический анализ и живую речь я пытаюсь показать не просто поступки, а их внутреннюю логику, не выбор, а мучительный процесс его совершения. Как человек

решает вернуться в строй? Что говорить матери погибшего товарища? Где черпает силы санитар, видящий ежедневно десятки искалеченных тел? Это попытка понять не только «как», но и «почему».

Эта книга – продолжение диалога. Диалога с теми, кто на фронте, и с теми, кто ждет его здесь. Она для всех, кто осознает, что линия противостояния проходит не только по карте, но и через сердце каждого. Понимание этого опыта, этого особого состояния бытия, – возможно, ключ к тому, чтобы выдержать его бремя и поддержать того, кто рядом.

Я искренне верю, что истории, собранные здесь, – еще один шаг к сохранению правды нашего времени. Шаг к тому, чтобы сухая статистика обрела имена, глаза и голоса.

Книга является художественным произведением. Все совпадения географических названий, имен, фамилий, позывных и деталей проведенных военных операций случайны. Однако многие из тех, кто прошел через испытания, могут увидеть в героях отблески своих судеб, а в их словах – эхо своих мыслей. Их личный подвиг остается с ними, но общий опыт становится частью нашей коллективной памяти.

Всё, что написано здесь, – продолжение истории, которую мы не выбирали.

Но которую мы обязаны понять и прожить.

С уважением,

Олег Холищевников

Первый Бой

Костер. Боец Крот. Мир конфликта. Эмоции в критической ситуации. Внутренняя борьба и рефлекс. Изменения восприятия жизни. Психологическая оценка последствий.

Октябрь 2022 года. Проезжая в 23 часа 35 минут мимо города Макеевка Донецкой области, мы получили команду об изменении маршрута. По рации передали координаты подразделения, в котором нас готовы были принять на ночлег. Навигация не работала, но опытный водитель с позывным «Кардан» быстро смог найти дорогу по продиктованным приметам. И вот уже через двадцать минут мы подъехали к месту с нужным нам подразделением. Какое-то время ушло на проверку документов, без этого никак. Наконец наш уазик въехал на территорию части.

Нас разместили на ночлег, после чего командиром был организован легкий ужин. Здание, в котором мы оказались, служило раньше не то котельной, не то подстанцией. Сейчас уже и не определишь точно. О стены бился трепещущий оранжевый свет, я огляделся в поисках источника. В середине помещения лежали крупные камни, рядом из дров было выложено подобие костра, но вот самого огня не было, ни одной искры.

– Вот, – тихо сказал командир, – костры жечь не разреша-

ют, а иногда так хочется, так что наш повар соорудил подобие огнища.

Приглядевшись, мы увидели, что между дров установлен небольшой компьютерный вентилятор-кулер, он дул на нарезанные белые лоскутки ткани, а над всей этой нехитрой конструкцией была закреплена светодиодная лампочка, имитирующая цвет огня. Если не прислушиваться к жужжанию и смотреть только на стены, то и правда может показаться, словно сидишь у небольшого костра.

– С пяти метров и не поймешь, что костер ненастоящий. Сначала все смеялись, а потом присаживались к «костру», грели руки, – засмеялся командир.

Так мы и ужинали, сидя вокруг «костра» и глядя на то, как развеваются подсвеченные лоскуты, напоминающие языки пламени.

К часу ночи все разошлись: кто на дежурство, кто отправился отдыхать. Остались у «костра» я, водитель и один боец с позывным «Крот», парень лет двадцати пяти. Разговор тек неторопливо, мы говорили и о ситуации на приграничье, и вспоминали своих родных. В какой-то момент мне стало интересно, какие чувства одолевают молодого Крота на службе, что сейчас в его голове и какие планы она строит на жизнь. Парень задумался, он долго молча сидел, устремив взгляд на лампу.

Как только я подумал, что Крот не желает ничего рассказывать, он медленно и тихо начал своё повествование. Я до-

стал свой блокнот и начал записывать.

История бойца с позывным «Крот»

– Первый раз я услышал взрывы в городе Иваново. Сидел тогда за столом в комнатухе с Костей, он почти мой ровесник, родом из соседней деревни, приехал в Иваново по приглашению завхоза ткацкой фабрики. Завхоз, он из Костиного села, обещал хорошую денежную работу, да еще и в «городе невест», как пел про Иваново в своей песне известный актер Андрей Миронов, почему бы и не согласиться. Когда прозвучал первый взрыв, я поначалу подумал, что кто-то запустил большой фейерверк, их сейчас навалом по всей России. Потом всё повторилось несколько раз, и тут же небо затянуло чёрным дымом. Резко пришло осознание – это не фейерверки. «Наше ПВО сработало», – сказал Костя. Мы долго молчали, а затем он снова заговорил: «Это знак, что нам нужно идти на службу и противостоять нарастающей угрозе». Я взглянул на него, лицо Кости было серьёзным. Ещё год назад, когда он только переехал, то со смехом говорил о том, что стоит подписать контракт. Смеялся, будто не на фронт собирается, а на долгожданный курорт.

И вот, оказавшись на Донбассе среди хаоса боевых действий, понимая, что СВО вовсе не романтика отважного героя, я ощутил, как внутри меня постепенно нарастает напряжение.

«Крот, ты в порядке?» – посмотрел на меня с озабоченным выражением лица боец с позывным «Зуб». Я только сжал челюсти и ничего не ответил. «Не в порядке. Совсем не в порядке», – подумал я. «Кротом» меня окрестил командир подразделения сразу, как только мы встретились. Тогда меня только доставили в часть. Машина, на которой добирались, по приезде застряла в сливной канаве, вся перекосилась, выбираться было неудобно. Машину мы вытащили, я был весь в грязи и с лопатой в руках. Командир, увидев меня, без тени улыбки сказал старшине, чтобы записали позывной «Крот».

Я поздно осознал, что наш с Костей выбор был не совсем верным, может, поспешным. В любом случае, мы ещё не представляли, что это значит на самом деле. Обучение проходило в основном на территории Ивановской области на специальном учебном полигоне. Мы отрабатывали только базовые навыки, и хотя было трудно, но о реальных боях можно было только догадываться. Эта, в моем понимании условная подготовка давила на меня с такой силой, что я постоянно начал ощущать себя в ловушке.

Когда я слышал первые настоящие выстрелы, меня охватил такой страх, словно грудь прорезали. Потом я почти увидел первый взрыв. Никаких красочных картинок, как в фильмах, не было. Только бледное поле, тени людей, снующие повсюду, и легкая контузия, когда голову сдавливает, ты резко перестаешь слышать и осознавать, что происходит вокруг. Как в тумане всё проходит. Я понял, что все, о чем знал

и помнил, не имеет никакого значения. Адреналин заполнил каждую клеточку моего тела и парализовал разум, ноги вцепились в землю и не двигались. «Опусти голову и падай наземь!» – закричал Зуб, выдергивая меня из ступора. Я упал на землю, прикрыл голову руками и на минуту отключился от внешнего мира. «Ошибся ли я, выбрав этот путь? Может, это всё игра, вот открою глаза и...», – подумал тогда я.

Но это была вовсе не игра. Жизни, моя и чужие, зависели от действий, которые я совершу. Внутри всё распирало от противоречивых желаний, словно два человека борются в одном теле. Первый – боец, стальной и готовый идти до конца, другой – испуганный парень из Иваново, желающий вернуться к спокойному быту, к семье, домой. Внутри меня шла совсем иная борьба. И я понимал, что от этого выбора зависит всё.

В какой-то момент, когда залпы начали затихать, я обернулся и увидел Зуба: он был ранен в ногу и истекал кровью. «Крот, помоги!» – закричал Зуб. Его голос эхом отдавался в ушах. А страх во мне разрастался, кольцом сжимаясь на горле. «Не могу!» – крикнул я, хоть душа и рвалась на помощь. Но тело всё ещё было сковано страхом. Секунда, другая, жестокая схватка инстинкта самосохранения и долга. Я взглянул в глаза Зубу и сделал нетвёрдый шаг вперёд. «Я должен, должен это сделать», – сказал себе. Второй шаг. Спасение друга затмило страх, в этот миг сомнений больше не было. Была только реальность, в которую я поверил и которую при-

нял. Я ринулся к Зубу.

Перетянув ногу товарищу жгутом и, вколов ему обезболивающее, я сообщил по рации, что у нас один боец «триста» и передал координаты места. Сообщив Зубу, что через десять минут к нему выдвинется эвакуационная бригада, я оставил его одного.

Согнувшись, я быстро побежал догонять наших. Вдруг раздались выстрелы. Я припал к земле, огляделся по сторонам и постарался понять, что происходит. Сердце колотилось так, будто вышло из груди и побежало вглубь леса, скрываясь от действительности. Было страшно и одиноко. Казалось, что за каждым деревом и камнем кто-то прячется. Сделал пару вдохов и двинулся вперёд.

Через полчаса я догнал нашу группу. Подбежав к нашим, я увидел командира взвода с позывным «Кинжал». Он был готов к бою: в руках автомат, лицо сосредоточено и спокойно. А я, стоявший рядом, всё чувствовал тревогу, от которой хотелось спрятаться.

С вражеской стороны прозвучало несколько автоматных очередей. Мы быстро переместились подальше от данной позиции. По рации поступили новые вводные и поставлена новая задача. Все что-то делали, к чему-то готовились. Только я чувствовал, будто не вписывался в общую картину, осознание снова накрыло: «Что я здесь делаю?»

Мы выдвинулись вперед. Неожиданно началась сильная стрельба. Наша группа попала во вражескую засаду. Враг за-

метил нас и повел шквальный огонь. Каждый выстрел отзывался в груди ураганом. Пули отбивали барабанный ритм. Именно тогда в голове разрастался вопрос, а что важнее: спасти себя или помочь сослуживцу? Если я упаду, кто прикроет командира? Если не встану, кто прикроет товарища, который ранее закрывал меня? Ноги подкашивались, разум бился в клетке и не мог найти выход.

– Держись рядом! – чётко скомандовал Кинжал.

Я крепче прижал к себе еще теплый после стрельбы автомат: его вес стал ощутимым грузом. «Думай о своих действиях», – шептал я себе, думай, думай, думай. И поверх канонам накладывалось уже полученное знание того, что это реальность, а не игра.

Мы вышли из лесополосы на открытое пространство, и шум боя усилился. На поле оказалось множество валунов. Я посмотрел на каменные границы, через которые мы пробирались. Каждая отбрасываемая тень казалась врагом. Я настороженно вслушивался в шорохи.

А что, если это действительно конец? Что от меня останется? Что скажут моим родным? Как будто в ответ на эти мысли раздался громкий выстрел, и в ту же секунду я услышал крик Кинжала: «Крот, за мной!» Я бросился следом на голос, но в этот момент громкий взрыв мины, второй, третий... разорвали тишину. Увиденное как будто исказило мир, изменило моё сознание. Это была только первая встреча с боем. До сих пор перед глазами картина: разбросан-

ные изломанные тела, дребезжащий огонь, сплошной хаос и дым, что перемешался с каменной пылью. Пролетела мысль, насколько же хрупка и тонка человеческая жизнь, как резко она может оборваться. А ведь скоро это может стать и моим собственным уделом. Голову сдавило стальным обручем, но упрямая часть меня продолжала надеяться на лучшее, на выход не только из этой ситуации, но и из мрачной тени собственной неопределенности. «Почему я? Почему здесь?» – вырывались вопросы, и я чувствовал, как сплетающиеся страх и ненависть создают невидимую нить, привязывающую меня к этим местам.

Солнечный день в Иваново и размашистая подпись на контракте ради приключения и отважной романтики остались где-то далеко и случились будто не со мной. Теперь, стоя на границе с миром, который никогда не был моим, я чувствовал, как в груди начинает биться беспокойное сердце.

– Ты готов, Крот? – спросил меня Кинжал, удерживая в руках карту и указывая на цель.

Его голос был ровным, однако в глазах светилась тревога, скрытая за маской профессионализма.

– Не знаю, – пробормотал я, не совсем понимая, что на самом деле чувствую и кому отвечаю. Страх смешивался с волнением и недоверием к себе.

– Главное, не паникуй – сказал Кинжал. – Всё будет нормально. Держись группы – Он подмигнул, и в этом выраже-

нии я разглядел тень недоверия ко мне.

Рядом со мной стояли обычные бойцы, простые парни с оружием в руках. Я никогда не думал, что окажусь здесь, среди этих мужественных людей. Мы все находились в равных условиях. Приехавшие из разных уголков страны, объединённые желанием выжить. Я вспомнил друга, который уговорил меня подписать контракт. Он вряд ли предполагал, что это решение станет испытанием всей нашей жизни и смелости.

Как только мы оказались на позиции, сердце забилося чаще, дыхание ему вторило. Хоть твёрдость командира и подействовала на меня, но мысль о том, что может с нами произойти, никак не хотела покидать сознание. Я заставил себя тряхнуть головой, прогоняя страх прочь. «Если что, просто помни: у нас все ребята профи, – шепнул мне один из бойцов, с которым я делил один и тот же окоп, – у них по десять – пятнадцать успешных боевых выходов, с ними можно быть уверенным и спокойным». Его поддержка была как никогда кстати. Она вызывала теплые чувства среди всеобщей разрозненности событий и гула мыслей. Этот боец, как и многие другие, был готов. Но готов ли я к первому бою, к первому выстрелу? Чувство неуверенности сдавливало грудь. В тот момент, когда звуки боя стали громче и мы услышали раскаты взрывов, меня охватила паника. Воздуха катастрофически не хватало, дышать становилось всё труднее. Я закрыл глаза и отставил руки от автомата, который налился мёртвой

тяжестью. В голове пронеслось одно: «Ты здесь, ты должен это сделать. Не подведи своих». Обстановка по ту сторону линии фронта должна была обрести для меня новое значение: это не просто бой, а проверка на прочность.

– Крот! Давай, вставай! – крикнул кто-то из команды.

Этот возглас выдернул меня из раздумий. Я взглянул на бойцов нашей группы: сильные, уверенные, нацеленные на результат. Я снова поднял автомат, почувствовал, как гудит рука, и приготовился к бою. От взгляда на людей, окружавших меня, страх начал постепенно отступать, оставляя после себя крепкую решимость. Как же глупо было позволить этому чувству взять верх над собой. Я могу быть сильным и смелым. Я всё смогу. Свет нарастал, словно предвещая напряжение.

Я даже не осознавал, что это тот самый момент, когда моё имя станет частью истории, совершенно отличной от бесконечных тренировок в Иваново. На передовой всё было иначе. Тишина, которой не было, как будто бы завернулась, как чёрный мех, вокруг моего сознания. «Крот, ты готов?» – спросил командир. Его голос был ровным. Я кивнул. А внутри меня накатывали волны эмоций, словно беснующийся океан: страх, удивление, разочарование – всё это находилось внутри меня. «Поехали». Это слово спокойно разрезало пространство вокруг. Я снова вспомнил звонкий смех друга, с которым мы подписали контракты. «Брат, ты не просто в армию идёшь, ты на фронт», – улыбался он. Отправ-

ная точка. Сейчас тот разговор эхом звучал в голове. Сможем ли мы справиться? Тогда я об этом не думал. Сейчас же я попытался сосредоточиться на том, что происходило прямо здесь. Зажмурясь на секунду, стал вспоминать всё то, чему успел научиться, сосредоточился на том, что было самым главным: стратегия, действия, команда. «Убирай лишние мысли, Крот», – сам себе сказал я, скрипя зубами.

И тут начался бой. Самый настоящий, не из фильмов и книжек, безжалостный и реальный бой! В нём не было места размышлениям о великом, только действия, только команды. Работала вражеская артиллерия и минометы. Все взлетало в воздух и распадалось там на куски. Дым. Огонь. Крик. Пыль и грязь.

Часть бойцов металась в поисках укрытия. Но я, прислушиваясь к командам Кинжала, понимал, что нельзя терять ни секунды. Мы должны взять вражеские позиции, и страх уже не имел права держать ни меня, ни кого-либо ещё в своих объятиях. Через мгновение я осознал, что теперь всё зависит только от меня, от моих решений и реакции. Перед глазами всё плыло – я почти физически чувствовал, как меня раздирают желание сохранить жизнь и желание избежать боли и утрат.

– Вперёд! – прорычал Кинжал, выскочив из укрытия.

Прикрывая его, я с оружием в руках побежал, следуя за командиром. Грохот мин звучал как обрывки безумной симфонии, которую играет сам дьявол. Кто-то кричал от боли,

кто-то стонал, кто-то всё ещё продолжал стрелять и двигаться вперед. Эти образы мелькали перед глазами, но долго я на них не задерживался.

С каждым шагом я чувствовал напряжение в воздухе, словно бойцы были проводником общей энергии, единым организмом в движении. Мы скользили между обломками разбитых домов и осколками битого стекла. То тут, то там раздавались крики и выстрелы, кровь смешивалась с пылью, и каждый шаг представлялся недостижимой вечностью.

И вот, когда мы приблизились к позициям врага, я вспомнил все те часы, проведённые на тренировках, где вместе с товарищами мы впитывали каждую деталь, каждый нюанс. Секунды минутной решимости – это всё, что нам было нужно для того, чтобы взять позиции врага. Кто-то закричал со стороны врага, я выстрелил без колебаний, как будто это было частью механизма. Руки казались чужими, я не мог поверить, что действую так быстро. «Сохраняй хладнокровие», – повторял я сам себе. С каждой секундой ситуация становилась всё напряжённее, и я начал понимать, что мой внутренний бой не меньшее испытание, чем физический.

«Это твой первый бой, не позволяй страху взять верх», – повторял я как мантру. В то же время голос внутри меня, мягкий и настойчивый, твердил, что я здесь, что жизнь и смерть только в моих руках. Через мгновение я понял, что теперь всё зависит только от меня, от моих решений и моей реакции.

– Гранаты! – закричал Зуб.

Не раздумывая, я бросил свою следом за командиром. Это был момент единства, так называемая синергия. Взрыв, ступившийся дым, и тут же наш взвод бросился в атаку. Эти люди были туннелем, проводящим сквозь страх и ненависть. Каждый выстрел точно ответ на агрессию врага.

Бой был не только физической борьбой, но и эмоциональной – многие из нас знали, что на кону наши жизни, жизни сослуживцев, тех, кто ждал нас дома. Мгновения, когда мы уничтожали врага, были одновременно и мстью за смерть наших братьев, и стремлением к справедливости.

Преодолев заградительные сооружения, мы ворвались в окопы противника. Звуки выстрелов, крики, рев дыхания, все смешалось в однотонную массу. Именно тогда я почувствовал внутреннюю энергию, она встраивала меня в такт, что с каждым новым шагом двигал к победе.

Затем наступили два часа сплошной мясорубки. Сложно было понять, где свои и где чужие. Дым с пылью кружились в танце дьявольского фокстрота.

В один момент все затихло.

Местами были слышны одинокие выстрелы бойцов, ведущих зачистку в тех местах, где не враг не хотел сдаваться в плен. Окоп заполнился лишь глухим стуком сердец выживших и протяжными стонами раненых.

Сегодня мы выполнили поставленную задачу, но ощущение утраты и боли будет с нами всегда.

Глядя на своих боевых товарищей, я понимал, что каждый из них – это светлый луч, старающийся пробиться сквозь темноту. Первый бой был позади, и мы смогли доказать, что даже в самые страшные моменты жизни человечность и дух всегда готовы под руку идти вперед.

Я понял, что жизнь – это не только борьба, но и поддержка друг друга. Мы, бойцы, стали одной семьей, и это чувство единства было тем, что помогало нам выживать.

Психологическая оценка последствий этого опыта оказалась для меня важной. Я начал осознавать, что страх не является врагом, он часть меня. Страх заставляет меня быть осторожным и внимательным, думать о последствиях. Я научился принимать его, а не считать препятствием. Прожитый внутренний конфликт стал для меня уроком. Мой первый бой был уже не только испытанием на прочность, но и тем фактором, что изменил моё отношение к жизни и смерти, тем, что повлияло на мою дальнейшую судьбу. Первый бой – это не просто физическое столкновение с неизбежным; это целый мир эмоций, переживаний и внутренней борьбы, которую нельзя проиграть.

Я понял, что, несмотря на все ужасы пережитых действий, я могу найти в себе силы продолжать любить и надеяться.

Крот замолчал и долго смотрел на искусственное пламя костра. За окном уже были видны признаки рассвета. Стало слышно пение птиц и стрекотание цикад. Мы выпили еще по кружке чая и разошлись по своим комнатам.

Через два часа наступил рассвет, мы уехали. Больше я Крота не видел никогда.

От автора

Психологический путь Крота – это архетипическая история инициации через травму. Война выступает как жестокий, но безжалостно эффективный инструмент переплавки личности. Она уничтожает иллюзии, обнажает базовые инстинкты, заставляет выбирать между параличом страха и действием через долг.

Герой выживает и даже обретает новую силу, но цена – расколотое сознание, где свет фронтового братства соседствует с тьмой пережитого ужаса.

Его история – напоминание, что самая тяжелая битва происходит не в окопах, а в глубинах человеческой души, где решается, удастся ли, встретившись с адом, не стать его частью, а сохранить в себе искру человечности.

Кроту это удастся – но какой ценой, мы можем только догадываться.

Прорыв к своим

Затишье. Позывной «Плуг». Стальная грязь. Точка кипения. Атака. Цена. Возвращение.

По дороге мы решили заехать в небольшое кафе пообедать, благо на пути такое было, так что ехать пришлось недолго. Оставив машину на парковке, разбитой снарядами, зашли внутрь.

Там, за деревянным столом, сидел боец, пил чай и разглядывал медаль, которая лежала у него на ладони. Он смотрел на нее с таким упоением, что сразу становилось понятно — медаль принадлежит ему.

Я сделал пару шагов в его сторону и спросил, могу ли сесть рядом. Он согласился. Присев на соседнюю скамейку, я представился, показал документы. Сказал, что собираю истории для книги и что меня заинтересовала медаль в его руках. Я попросил рассказать, за что ему вручена данная награда и, если возможно, рассказать о предшествующих этому событиях. Боец начал свою историю.

История бойца с позывным «Плуг»

Как-то осенью оставили меня наблюдателем в одной полуразрушенной деревне, в серой зоне Луганской Народной

Республики. Оружие и рация – все с собой. Плюс сухпак на три дня. Добрались мы сюда спокойно, на уазике, без дробовых атак и обстрелов. Прележал я два с половиной дня на чердаке уцелевшего дома, в полной тишине. Только одинокие птицы залетали на чердак и что-то там выклевывали, возможно, остатки какого-то зерна.

Было холодно. Сквозь разбитое слуховое окно чердака задувало так, что кости начинали ныть. Чтобы как-то согреться, я прижался спиной к старой печной трубе, пытался украсть хоть каплю накопленного годами тепла и бывшего домашнего уюта.

В бинокле просматривались только бесконечная серая от грязи и мокрого снега равнина да пара покосившихся глиняных домов. Вот и всё, что осталось от бывшего оживлённого села.

Мой позывной «Плуг». Мне его дали, когда узнали, что сам родом из деревни. Нравилось мне землю на тракторе пахать, вот и получил своё новое «имя». Дома трактористом был. Как снег сходил – начинался сезон, сразу за работу брался. А теперь... Теперь я пашу в другом поле. В мёртвом.

Тишина давит. Не абсолютная, конечно, тишина, но какая-то глухая, нехорошая. Где-то далеко за горизонтом грохает арта. Как гром разносится над землёй. А здесь только ветер воет в развалинах, легко ему пролетается через разбитые окна. И ворона протяжно каркает, сидя на обгорелом тополе.

Рация в основном молчит. «Плуг, обстановка?» – раз в полчаса запрашивают из взвода. «Тишина», – бурчу в микрофон. Голос сиплый, будто не мой. Сколько уже тут нахожусь? Сутки? Кажется, больше. Может, третьи пошли? Время неохотно течёт, минуты превратились в серую лепешку ожидания. Мысли лезут, как назойливые мухи, только не отмахнуться.

Ирина. Это имя моей девушки. Имя обжигает, как уголь. «Ты вернешься», – сказала она тогда, крепко сжав мои пальцы. Не вопрос, утверждение. «Обещай». Я не обещал. Страшно? Да черта с два не страшно! Но страх этот холодный, вязкий, как эта грязь за окном. Покрывает с головы до ног, переползает на пальцы. Не кричит, а лишь тихо точит изнутри. Главное – не думать. Только это самое тяжёлое. Когда перед глазами вражеская равнина, воспоминания так и норовят забраться, точно воры, лезущие в пустой дом.

Я ведь изначально не собирался сражаться. Мечтал купить билет до Египта. Золотой песок, гордые великаны пирамид, дрожащий от палящего солнца воздух. Вот где осесть хотелось. Ирина всё смеялась: «Ты и в Каир? Да ты даже в Москве не был, а вон куда собрался!» А у меня перед глазами уже простирался разлив Нила и Красное море. Как наяву пахло базарными специями и весёлой торговлей у прилавка с ароматными зёрнами кофе. Теперь вместо кофе держу в руках иной ароматный напиток: вода с привкусом ржавчины из фляги. Да и пески совсем другие, выжженные боем поля

с воронками от взрывов.

Рация снова шипит: «Плуг, подтвердите статус». «Тишина», – повторяю, стиснув зубы.

Но тишина обманчива.

Гул. Сначала еле слышный, где-то на краю села. В ушах все время звенит от безмолвия и далёких выстрелов, поэтому сперва не придал значения, подумал, что снова показалось. Но гул нарастал. И тут понимаю, что не с той стороны! Не с фронта, а сбоку, откуда по карте глубь их территории! Сердце заторопилось, как молоток по наковальне. Быстро прильнул к щели.

Ранее пустынная местность заполнялась грязными камуфляжными пикапами. Как клопы расползаются, шевелят своими ножками. БТРик старый, скрипучий. Пехота – человек десять, не меньше. Ловко, быстро. Работающие, заразы. Не просто мимо проезжали – разворачиваются! Прямо на выезде из села, на перекрестке. Присмотрелся, черт побери, сооружают блокпост! Прямо у меня под носом ставят! Жалкий холод резко сменился напряжённым жаром, по всему телу пробежался, еле бинокль в пальцах удержал. Вижу, тащат мешки с песком, резво так всё проворачивают, пулемёт на пикап ставят, гады. Мины растягивают по обочинам, админку свою организуют. Всё чётко, без суеты. Профессионалы мастерят, видно, что по стандартам НАТО проводят эти работы. Все гладенько и по инструкциям.

Моя тихая могила на чердаке в середине села преврати-

лась в центр вражеского узла обороны. И путь нашим оказался отрезан. Захлебнутся они тут, даже вздохнуть не успеют, если этот пулемет заработает. Вспоминаю про рацию. Осторожным шёпотом проговариваю в пыльный микрофон: «Ястреб, я Плуг! Прорыв! В селе! Блокпост ВСУ на перекрестке! Координаты...». Голос предательски дрожит. Ответ приходит сразу, пробиваясь сквозь помехи эфира, холодный и четкий: «Понял, Плуг. Держись. Помощи ждать не менее трех часов. По возможности воспрепятствуй деятельности ВСУ». Совсем не такой ответ хотелось услышать.

По возможности. Легко сказать. Я один, а врагов целый десяток, с пулеметами наперевес и БТРом. И что в таких случаях делать? Затаиться? Переждать? Но через час они окопаются так, что никакой танк уже не возьмет. А наши пойдут на мины и пулемет. «*Воспрепятствуй*». Эта команда снова и снова прокручивается в голове. Как? Как, черт возьми, я должен это сделать?! Я же не Рэмбо! Я просто Плуг. Изпод Белгорода. Обычный тракторист. Мечтающий о солнце Египта. Меня всего пробрало липким и неприятным страхом. Казалось, что даже дыхание стало чересчур громким. Хотелось сжаться в комок и забиться в самый тёмный угол и зажмурить глаза, чтобы не видели. И сам чтобы не видел.

Но нельзя. Надо держать глаза открытыми. Передо мной находились солдаты ВСУ. Тоже живые люди, не плод фантазии, отвертеться не получится. Усталые и грязные курят поодаль. Один, молоденький, морщась, перематывает портян-

ку. Другой, седой «дед», раздаёт команды. Это те, кто бьет по нашим артой, кто разрушает наши города. Те, кто может убить моих ребят, когда они пойдут сюда. Соседа по окопу, Витьку «Мазилу», который вечно носки терял... И ярость. Горячая, белая ярость вдруг ударила мне в виски, смывая часть страха. Не справедливо! Не пущу! Не дам им здесь укорениться! Мысль пронеслась, как осколок: «Либо я их сейчас, пока они не окопались, либо они потом наших...» Долг? Нет. Простая необходимость. Жить-то хочется. Но даже если буду тихо сидеть, шансы выжить остаются минимальными. А так... Так хоть что-то сделаю, смысл в этом будет не для меня, а для других.

Рука сама потянулась к гранате на поясе. Холодный чугун лёг в раскрытую ладонь. Знакомый вес. «Ф-1», «лимонка». Другая рука сжала автомат. Ладони вспотели от напряжения. «Пора пахать, Плуг», – промелькнуло в голове что-то идиотски спокойное. Адреналин загудел в крови. Страх превратился в лезвие ножа. Острое и смертельное.

По развалившейся лестнице чердака спускался тихо, как тень. Каждый скрип ступеньки отдавался громом в мозгу, надо ещё тише. Каждый вздох казался слишком громким. Единственным моим преимуществом было знание местности. Прополз через пролом в стене, вылез наружу и затаился в воронке от снаряда. Хохлы в тридцати метрах от меня. Смеются, улыбаются. Один даже гитару достал и что-то наигрывает, словно на пикник выехали. Чувствуют себя хозя-

евами. Идиоты. Пулеметчик на «пикапе» потягивается. Рядом с ним стоят еще двое: заряжающий и, похоже, командир. У БТР механик что-то ковыряет в люке. Остальные рассредоточены по территории, но тоже находятся близко. Идеальная цель для «лимонки».

Внутри нарастал гул, подгадать нужный момент, вот он! Взял гранату и, больше не раздумывая, выдернул чеку. Раз, два... «Господи, пронеси...» – не молитва, а крик души. Выскочил из воронки, сделал полшага для замаха и швырнул изо всей силы, дугой, прямо под ноги пулеметчикам. «Граа-на!» – кто-то орал, но было поздно. Оглушительный взрыв разнёсся по округе. Оранжевое пламя весело устремилось ввысь, дым густыми клубами заволакивал пространство, повсюду разлетались обломки, крики раненых и осознавших положение врагов. Использовал секунды замешательства и прицелился в механика у БТРа – выстрелил короткой очередью. Мужчина подкосился и рухнул. Перевел ствол. Следующая очередь по группе у «пикапа». Кто-то упал, кто-то метнулся в укрытие. Чистый хаос!

Они не понимали, откуда бьют, сколько нас! А «нас» было только я один. Я побежал вдоль покосившегося забора, пригибаясь. Пули засвистели, щелкая по кирпичам. Земля вздымалась фонтанчиками у ног. Не попади, не попади... Выдернул чеку второй гранаты. В этот раз прицелился и бросил под гусеницу БТРа. Взрыв! Не перевернуло, но заклинило, тоже хорошо. Дым повалил из моторного отсека. «Гори, гадина,

давай же!» – прохрипел я.

И тут удар. Отчётливая боль прошлась по всему телу и за-
стопорилась на бедре. Как будто кувалдой ударили. Почув-
ствовал, как потекло что-то горячее. Невыносимо больно. Я
повалился навзничь в грязь. Темнота поплыла перед глаза-
ми. Ранен...

Мысль холодная, отстраненная. Сквозь туман боли уви-
дел, как кто-то бежит ко мне, кричит, а затем поднимает
автомат. Моя рука сама дёрнула спуск «калаша». Очередь.
Длинная и беспорядочная, целиться я был не в состоянии.
Человек напротив меня дернулся и упал. Автомат замолчал
– магазин был пуст. Боль накрыла новой волной. Уши зало-
жило от стука крови и окружающего шума. Блокпост врага
было не узнать, всё превратилось в неясное месиво.

По бедру прокатился новый виток боли. Она живая: рвёт,
вост и заполняет собой весь мир. Нога – сплошной кусок мя-
са. Провожу рукой. Тепло и липко. Жгут. Нужно срочно на-
ложить жгут. Вспоминаю, что он остался в аптечке на черда-
ке. Сознание уплывало. Силой воли заставил себя сфокуси-
роваться. Снял ремень. Затянул выше раны, засунув под него
обломок палки и закрутил. Из глаз посыпались искры. На-
столько стало невыносимо. Пришлось закусить губу до кро-
ви. «Терпи, Плуг. Не здесь умирать», – прокричал себе.

ВСУшники дезориентированы, но это не надолго. Скоро
придут в себя и отправятся добивать меня. Ползти. Надо
ползти. Туда, к леску, где, может, свои... Каждый преодолён-

ный сантиметр – пытка. Грязь, лед и камни впиваются в ладони, в живот. Тело пыталось волочить раненую ногу. Глаза заливают пот, кровь, слезы? Не знаю. Дышал, как загнанный зверь. Холод пробирал до костей. Слабость. Хотелось просто лечь и закрыть глаза. Оказаться где угодно, но не здесь. Невыносимо тяжело, не думал, что собственное тело может быть таким. Нет! Домой! К своим! Истошно кричало что-то внутри меня.

Казалось, прошли часы. Время потеряло смысл, исчезло с моих радаров. Перед лицом появлялись только новые комья грязи. Сквозь пелену доносилось моё хриплое дыхание да неясные крики, оставленные позади. Оборачиваться было страшно. Ещё чуть-чуть, самую малость осталось до леса, уже начинало смеркаться. Из-под самодельного жгута сочилась кровь, раненая нога то отнималась, то вновь простреливала яркой болью. Руки не слушались. Еще метр... Холодно. Еще... Сил не было. Сознание гасло. Уткнулся лицом в мерзлую землю. Все...

Не знаю, сколько так пролежал, но очнулся, услышав смутные голоса. Русская речь! Не бред? Приподнял голову из последних сил. Темные фигуры у опушки. Наши окопы! Сил не было кричать. Просто застонал.

– Стой! Кто идет?! – резкий окрик.

Часовой. Я видел ствол, направленный в мою сторону. Собрал всю волю и прохрипел, выплевывая грязь с кровью.

– Свой... Ранен... Плуг... Блокпост... там... – голос со-

рвался. Мгновение тишины, а потом всё взорвалось родной речью.

– Плуг?! Братцы, это же Плуг! Живой!

– Где?!

– Да вон он! Раненый! Санитары! Быстро!

Топот сапог. Руки подхватили меня. Боли уже почти не чувствовал, одну только дикую слабость и холод.

Знакомые лица склонились надо мной. Сосед по роте, Петька «Борщ». Глаза у него круглые, полные невероятного изумления и страха? Нет, восхищения?

– Алеха?! Ты как, черт?! Мы думали, тебя там... Там же ад был! Весь блокпост разнесло! Говорят, один боец... Это ты?!

Смог только кивнуть в ответ, еле заметно.

Меня осторожно переложили на плащ-палатку. Потасили. Небо над головой – темное, в звездах. Больше не стреляли. Только гул моторов шуршал где-то далеко. И голоса, мягкие похлопывания по плечу своих:

– Держись, Плуг! Госпиталь рядом!

– Герой, блин... Один против блокпоста!

– Ты проход открыл, браток... Проход...

Слово «свой» звенело у меня в ушах, перекрывая боль, гул, все. Стало так тепло на душе. Наконец-то согрелся. Я закрыл глаза. Не от потери сознания. Просто было хорошо. Домой. Я вернулся. Плуг вспахал свое поле. Теперь можно и отдохнуть.

Перед тем как заснуть, я обнаружил в кармане гильзу с

того самого чердака, достал ее и написал на ней – «Мы победим!»

Сознание накрыла темнота. Это медсестра вколола морфий, чтобы избежать болевого шока. Он мягко плыл по венам, как горячий песок по дюнам. И снился мне Каир. Я шел по узкой улочке, где солнце пробивалось сквозь балконы, где пахло жареными лепешками и кофе. Ирина ждала у фонтана, смеялась и протягивала руку: «Ну что, герой? Пошли, покажу тебе пирамиды». Я хотел ответить, но не смог. Потому что настоящая боль вернулась раньше, чем сон закончился. А вместе с ней и осознание того, что я жив. Что они мертвы. Что война не кончилась. И что, если выживу – придется пахать дальше. Но пока...

Пока можно просто поспать.

От автора

Рассказ и поступки бойца с позывным «Плуг» передают ощущение изоляции и внутренней борьбы, с которыми сталкиваются бойцы на фоне суровых боевых действий. Плуг, отражает судьбу многих, оказавшихся в плену войны, и его история пронизана тонкой психологической проработкой.

В его рассказе видны моменты глубокого самоанализа. Воспоминания об Ирине, девушке, которая ждёт его обратно, становятся важным элементом его внутренней борьбы. Эти эмоциональные запоминающиеся моменты ярко контра-

стируют с военными действиями, придавая его рассказу глубину и многослойность. Плуг, как бы внутри себя оказывается перед дилеммой: защищать своих или поддаться страху. Его действия на блокпосте становятся символом не только физической борьбы, но и внутреннего конфликта, развернувшегося между жизнью и смертью, между эмоциональной уязвимостью и стойкостью.

Плуг олицетворяет не просто борьбу за выживание, а символическую борьбу за дух и достоинство человека.

Гроза в апреле

Пепел успеха. Голос в эфире. Я – Апрель. Буду вас выводить. Шёпот в темноте. Свои. Стой! Стрелять буду! Генерал и звонок.

15 августа 2025 года. Летим военно-транспортным самолетом из Москвы в Крым, далее в Херсонскую область. И дальше в зону СВО, машиной. Параллельно со мной едет группа людей – кто в гражданке, кто в камуфляже. Долго присматривался, но не мог понять, кто эти люди, которые передвигаются в зону СВО путем военной авиации, странно одеты и у каждого багаж, напоминающий нотные пюпитры.

Как оказалось, у нас в стране есть группа военных художников, которые пишут картины и портреты именно по фронтовой тематике. И эти художники постоянно выезжают на фронт, где и делают свои зарисовки. Так сказать, путем живописи оставляют память, фиксируя на бумаге и холсте исторические факты того, что происходит в настоящее время на СВО.

Так, в полете, я познакомился с заслуженным художником РФ, членом-корреспондентом РАХ – Владимиром М. Мы разговорились, и он поведал мне одну из историй, рассказанную бойцом его коллеге-художнику в процессе написания портрета бойца.

История бойца с позывным «Гроза»

Мой позывной – «Гроза». Я с бойцами получил задание на уничтожение объекта глубоко в тылу врага. Задание было выполнено. В ночном небе, далеко за нашей линией фронта, запылал оранжево-чёрный гриб. Глухой «бум» доказался до нас спустя несколько секунд, отозвавшись эхом в промёрзших оврагах. Украинский склад боеприпасов, а по совместительству – узел связи превратился в ад.

– Горит, – сипло процедил Кедр, мой снайпер. В его голосе не было торжества. Была усталость. Мы все её чувствовали. Четверо суток ползли сюда, как тени, отлеживались днём в промерзшей земле, двигались ночью. И вот – результат. Фотографии цели сделаны, координаты уточнены, управляемый снаряд с БПЛА сделал своё дело.

– Работа сделана, – сказал я, отрывая взгляд от багрового зарева. – Собираемся. Уходим. До рассвета надо отмахать километров десять.

Но война – это грязная игра, где правила меняются каждую секунду. Наш успех оказался слишком ярким, слишком громким. Нас «засветили». Наверное, у них был наблюдатель на соседней высоте или сработала какая-то «умная» электроника. Неважно. Важно, что к утру над нами уже кружил беспилотник-разведчик, а к полудню мы, укрываясь в редком перелеске, слышали вдали, но уже громко и отчёт-

ливо, рёв моторов и лязг гусениц. Охота началась.

Первый контакт был коротким и яростным. Мы отбились, отошли, но пуля нашла Шмеля, нашего сапёра. Прошла на-вылет, задев лопатку. Больно, кровит, но идти может. Потом осколок от миномётной мины, прилетевшей ни с того ни с сего, угодил Кедрю в бедро. Не раздробил кость, но порвал мышцы. Он побледнел как полотно, стиснул зубы. Наложили жгут.

– Командир, – его глаза были сухими и очень чёткими. – Не бросайте меня.

– Замолчи, – отрезал я, помогая ему подняться. – Не брошу. Никого.

Их теперь было двое: Шмель и Кедр. Два «трехсотых» – раненых. Но ходячих. Это было главное. На носилках я бы их не потащил. А так – есть шанс. Пусть призрачный, но шанс. Мы стали не диверсантами, а беглецами. Группа из четырёх человек, двое из которых с каждым часом слабели, в глубоком тылу врага, который знал о нашем присутствии и методично сжимал кольцо.

Мы шли по ночам. Двигались от укрытия к укрытию, от оврага к развалинам фермы. Ели снег и последние крошки сухпайка. Рация молчала. Мы были ниже горизонта, в радио-тени. Нас уже списали. Я это знал. В таких операциях группа, попав в беду и потеряв связь, считается «процентом». Потерь в военных действиях не избежать.

Но я не мог им этого сказать. Я старший. Их командир.

Моя задача – вывести.

На шестые сутки нашего передвижения рация вдруг ожила. Зашипела, захрипела, и в наушнике, сквозь дикий свист помех, я поймал обрывки чужой речи. Наши! Где-то рядом есть свои! Безумная надежда ударила в голову, как хмель.

Гроза, – прошептал я себе под нос, глядя на бледные, заросшие щетиной лица ребят. – Выбора нет.

Выходить в эфир на вражеской территории – самоубийство. Это маяк для их пеленгаторов. Но оставаться здесь – тоже смерть. Медленная, верная.

Я нажал тангенту. Голос мой был хриплым от холода и нечеловеческого напряжения.

– Я Гроза. Мои координаты. Вызываю любой дружественный позывной. Со мной два трёхсотых. Требуется эвакуация. Куда двигаться? Повторяю...

Эфир ответил мне ледяным молчанием. Я знал, что меня слышат. И наши (если они есть), и враги. Я светился, как ёлка на Красной площади. Но мы поползли. Наугад. В сторону, откуда, как мне казалось, был самый слабый шум моторов.

Стычки стали чаще. Не большие бои, а внезапные, короткие вспышки. Мы отскакивали, как затравленные волки, оставляя за собой капли крови на снегу. Иногда полностью уничтожали группы врага. Я выходил в эфир снова и снова, уже не скрываясь, уже отчаянно:

– Гроза! Я Гроза! Слышит кто?! Дайте координаты! Куда идти?!

Тишина. Только помехи. Ребята смотрели на меня. В глазах Кедрa читалась покорность судьбе. Шмель просто молчал, экономя силы. Мы уже были призраками.

Это случилось на седьмой день. Мы засели в полуразрушенной печи какого-то кирпичного заводика. Снаружи выл ветер. У Кедрa началась лихорадка. Я снова взял рацию. Руки дрожали от бессилия и злости.

– Я Гроза. Последний вызов. Осталось мало воды, боезапас на исходе, аккумуляторы у радики тоже. Два раненых. Если есть кто живой – отзовитесь!

И вдруг... сквозь шум и треск пробился голос. Чёткий, спокойный, баритональный. Без панибратства, но и без официоза.

– Гроза, я вас слышу. Это Апрель. Сохраняйте спокойствие. Буду вас выводить к своим.

Я остолбенел. Сердце ёкнуло, но разум закричал: «Ловушка!» Это же классика. Взять нас на испуг, заманить, добить.

– Апрель, – с вызовом сказал я в микрофон. – Назови пароль на вчера.

– Пароли устарели, Гроза. Вы семь дней в тылу. Доверьтесь. Альтернатива – вас найдут через три часа. Ваш «маячок» уже пеленгуют с двух сторон.

Он говорил так уверенно, так... по-хозяйски. И он знал про пеленгацию. Врагу не было смысла меня предупреждать.

– Что делать? – сорвалось у меня. Я уже поверил. Потому что верить было больше не во что.

– Держитесь там до темноты. Как стемнеет – двигайтесь на восток, вдоль ручья. Я знаю ваше примерное местоположение. Буду корректировать.

Апрель стал нашим голосом из ниоткуда. Нашим проводником в крошечной тьме. Он не болтал. Его инструкции были краткими, как выстрел: «Обходите высоту 72.1 слева, там засада». «На развилке идите по правой тропе, левая заминирована». «Ждите, впереди группа, я дам отмашку, когда прочёс уйдёт».

Он знал всё. Расположение вражеских постов, время их смены, где проходили линии наших окопов. Это было сверхъестественно. Иногда он просто говорил: «Остановитесь. Отдышитесь. Через двадцать минут – дальше». И в этот момент в наушнике слышался далёкий гул артоподготовки – наши били именно туда, где мы были полчаса назад.

Он поддерживал не только меня, но и ребят. Как-то раз спросил: «Как там ваши «трёхсотые»? Держатся?» И, узнав про лихорадку у Кедр, сказал: «Через километр будет брошенный сарай. Там в синей бочке может быть дождевая вода. Возьмите. И передай ему – терпи, браток, уже близко».

Это «уже близко» он повторял каждый раз. И мы верили. Этот невидимый, всемогущий Апрель стал для нас единственной ниточкой, связывающей с жизнью.

На девятые сутки Апрель сказал: «Сегодня ночью выходите. Ваша конечная точка – высота “Верблюды”. Наши передовые там. Будьте осторожны – у наших нервы на взводе, мо-

гут стрелять без предупреждения. Я скажу им, но гарантий нет. Удачи, Гроза.

Мы выползли к «Верблюду» на рассвете. Виднелись силуэты окопов, колючка. Наши. Душа рвалась вперёд. Я, забыв про всё, поднялся во весь рост, потащил за собой Кедр, закричал хрипло:

– Свои! Мы свои! Группа «Гроза»!

И тут же над головой затрещала очередь. Земля вздыбилась у самых ног.

– Ложись! – орал чей-то молодой, сорванный голос из окопа.

– Свои, блин! – завопил я, прижимаясь к земле. – Я Гроза! Меня Апрель выводил!

На секунду стрельба стихла.

– Какой ещё Апрель? – прозвучал недоверчивый окрик.

Началась нелепая, страшная перепалка. Они нам не верили. Приказали ползти к ним по одному, раздевшись до пояса на морозе, с руками за головой. Унижение? Нет. Это была цена жизни. Мы заплатили её безропотно. Когда нас, синих от холода, втащили в блиндаж, и дежурный офицер, сверив мои данные, наконец, кивнул: «Всё чисто», – я рухнул на табурет и просто затрясся. От смеха. От слёз. От дикой, вселенской усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.